

Фигура в багровой мантии, без глаза и сознания, без ощущений и разума, лежит на голой земле, среди разбитых бутылок и избитых тарелок, выпущенных фанфар эха. Праздник кончился, кончилась еда, кончились и люди.

Тело ощущалось одним большим, целым, безраздельным куском бесхребетного мяса, веки и пальцы не собирались слушаться его. Глаз откровенно отказывался открываться, и уж тем более – отказывался работать, не собирался передавать то, что происходит вокруг, и даже внутри закрытого века он не воспринимал темноту. Да и столь же «откровенно говоря», не только один глаз решил устроить эту забастовку против мозга, но и уши, и кожа, и нос – всё тело. Хотя нет, пожалуй, про нос сказано лишнее – он работал, как подобает, и пожалуй, даже слишком. Он мог почуять каждый аромат и запах, каждого сорта любой настойки от каждой бабушки-эксперта из каждого домишки, ведь каждая уважающая себя семья имела у себя в родственниках хотя бы одного специалиста по вареву выпивки, видимо. Так же, в надбавку для похвалы и проклятий, он мог почуять остатки салатов из корней, земляных блюд из глины, а также – на удивление, дорогое удовольствие – Мескаль. Тоже, к слову, алкоголь. Вещица здесь редкая – почему же им тогда пахнет вся улица?

Пожалуй, даже самому лежащему не ясно было, почему он различает такое большое количество разных видов алкоголя, однако, это кажется единственным забавным наблюдением во всей этой пугающей ситуации. Кроме алкоголя на этой брэнной земле разит кровью и кишками, чем-то протухшим, выжетым из кого-то.

Переходя от носа к ушам и минуя «затронутые» в начале глаза... глаз, то они были далеко не столь трудолюбивыми, как нос, хоть у паренька их по нетронутой паре. В первую очередь, в них стоял постоянно звенящий танец звуков и пульсирующих образов и шифров, что, если верно помнится из рассказов знающих, является песнью крови в голове. За этим шифром скрывались звуки окружающей среды: разборки между пьяными просыпающимися, страх за события ночью, негодование, песенки и остаточное веселье после парада... Или это был карнавал? Хотя, можно ли назвать карнавалом то, что кончилось слишком большим количеством красного сока?

Лежащему, без сознания мира вокруг, человеку в сознании, было довольно сложно понять, что происходит вокруг. Голова продолжала пульсировать под ритм барабанов, что смолкли часов под пять назад. Пульсация эта прекращалась ни на секунду, как и мигающие образы, сопровождающие юношу тогда. Эхо из прошлого, ещё нормального прошлого, радовалось в сотни голосов. В памяти что-то всплывало. Какие-то актёры, столь печальные, столь грустные. Он спрашивал их, в чём дело, он веселился с ними. Они были рады его компании. Они веселились все вместе. Они ему что-то предложили. А потом... синий. Много, много синего цвета. Однако, эти образы из синего не были той белибердой, которая ему казалась ранее.

Кстати говоря, о них – всё исчезло, каждое невиданное видение исчезло! Его разум больше не тянется, как резина, теперь это чувство заменилось на изображение разбитой тарелки с овощами для натюрморта. Натюрморта, художник которого не закончил свою картину, от гнева учителя.

Конечно, По итогу стало не ясно, откуда они, почему они, и что они такое, и даже их содержание потихоньку выветривается, но разве это важно? Мысли пока ещё не формировались, у человека попытавшегося задать самому себе вопрос, и бордовая клякса лишь получила больший удар по мозгам. Однако, сам факт попытки вызывал радость и облегчение, а также пустоту от осознания своего жалкого положения.

Солидных минут пять проходило мимо, спустя те мгновения, как лежащий в буро-алом цвете

человек, просто - иначе просто не сказать - существовал на камне и песке. Было в этом какое-то странное удовольствие. Неизвестно почему же, но это просто казалось редкостью - холодный камень и песок, уж особенно на поверхности. Хотя, может, это характерная для северных земель черта? Как это обычно, кажется, бывает, поверхность мира крайне жаркая и иссушающая, беспощадная. На ней словно законом запрещено просто лечь и заснуть - ты станешь мумией за минут десяток.

От таких отвлечённых, расслабляющих раздумий, барабаны в голове начали потухать, а кровь потихоньку заканчивала свой зашифрованный разговор в ушах - пора вставать, пора двигаться. Глаз с большим, пьяным трудом открывался, поднимая многотонные веки. Если бы глаз-трудяга мог издавать звуки, то он бы охал и ахал больше, чем рабы на строительных работах. Когда же веки наконец-то были широко распахнуты... пустота, чистейшая пустота стала зрелищем для алого апостола. Такая знакомая, словно совсем вчера была, совсем вчера...

...Бесконечная пропасть поглощала взор. Не было ничего, что могло бы избежать этой глубины бессветья и забвения. Обращая свой взгляд в океан, мы не можем увидеть дна и оценить его глубины, нам дозволено представлять лишь то, что мы можем увидеть. Так и эта пустота, как бы ты не вытянул руку, куда бы твой зрачок ни был направлен, ты не увидишь ничего, ты ничего не определишь - тебе даже не догадаться, что ты видишь, даже не представить. Никакая вера в самых страшных тварей или милых созданий не спасут тебя от этого пугающего безмолвия знаний. Ты слеп, ты ничего с этим не сделаешь. Судьба неизбежна, и заключается она только в одной участи - в участи дурака.

Мы никогда не будем правы, для нас нет даже "ничего", от которого мы могли бы опираться. "Пустота не является таковой" - вот что мы говорим, однако, как мы это докажем? Быть может, даже эти, мои, слова ошибочны, слова знающие мир? Даже веря в то, что пустота не бесконечна, и даже если эта вера обоснована чем-то, это ничего не значит - ты никогда не увидишь результат своей веры, она чистая бессмыслица...

- Твоя жизнь здесь бессмысленна, дурак в алом одеянии! -

...Немые голоса твердили, твердили само существование, через что-то превыше звука и диалога, монолога.

Чёрный плащ закрывал свои подолом небеса. Хозяйка этого плаща положила без объёмное небо в маленький кармашек внутри своего одеяния, распахивая его своей длинной и тонкой, аккуратной рукой, закрывая свет и звёзды. Небосвод лишился себя и звёзд своих, и лишь одна маленькая, синяя звезда выпала из дырявого кармана, но оно уже ничего не значит, от слова совсем. Кокетливая улыбка сияла мраком на лежавшую фигуру. Тысяча глаз открылась, заменяя звёзды. Немые языки затрепетали на своих непонятных словах, осуждая апостола. Они осуждали ни за что, ради всего, за его причинную глупость. Рука взяла судебный молоток, готовясь простучать свой приговор. Замах этот длился бесконечность, так же, как и беспокойство в ожидании. Фигура в плаще даже осознать не мог, что он ощущает, за что и ради чего он подобное ощущает. Сердце забило в тревожные барабаны, кровь переговаривалась своим шипящим, пищущим языком в ушах, что трепетно их слушали. Этот страх был чем-то выше смерти. Почему, почему он боится?

Плащ в небесах развеялся в ту же секунду, когда цветастая гирлянда пролетела перед глазами, заслоняя собой зрение. Пару секунд. Всего пары секунд, парочки блеклых, разных цветов, хватило для того, чтобы всё успокоилось.

Кровь перестала шептаться, сердце потихоньку переставало стучать в свои барабаны, а уши

стали слышать всё, что было вокруг, чисто и ясно. Чья-то хватка, по-странной причине, ослабла, словно ей ударили током в палец. В глазах прояснилось не только пустое от звёзд небо, но и уголки крыш зданий, пролетающий мусор. Нос стал ощущать ещё больше запахов. Улыбка в небесах исчезла без следа, как и судебный молоток, иссушающий своей неизбежностью.

В небесах сиял чёрный диск с алым-оранжевым змеиным кольцом, что постоянно плакал куда-то вниз, будь-то от горя, будь-то от гнева - не ясно. На апостола наваяло жутким и поглощающим чувством грусти и отчаяния по чему-то потерянному.

всё это благодаря парочке блеклых, мгновенных цветов оторванной гирлянды, не удивительно ли?

С прояснившимся разумом, полу-убитый смог наконец-то сесть, его тело вновь отзывалось на команды мозга. Находясь в сидячем положении, он увидел то ли привычное, то ли инородное для себя зрелище. Никаких цветов и огоньков, как и людей на улицах, почти не осталось. Только на полу и стенах были остаточные, мясные остатки всяких тварей, разруха, а также красные пятна, вперемешку с цветной пылью и краской. Город посерел и покраснел, став и не слишком холодным, и не слишком тёплым в своей окрасе. Столы, с порванной и где-то разорванной скатертью до сих пор стояли по дальним углам, облитые и испачканные в еде и мясе. Мусор валялся как есть, катаясь под влиянием ветра-уборщика. Стены были серыми, бурыми или оранжево-кирпичными, с пływучими и ходячими стенами, сделанные как возможно было. В окнах не было стекла, хоть оно и известно местным людям и нелюдям, как и способ его создания. Башни лунного света, обычно освещающие по вечерам и ночам уголки города, пока ещё не горели. А ведь это странно - на улице был натуральный вечер.

Первые, ясные и глубокие мысли затронули именно небо - что-то странное было в этом небе. На нём не было ни луны, ни звёзд, да и солнца того же в нормальном понимании! Оно было пустым, застрявшим в бесконечном вечернем полумраке, как и вся земля... Погодите, а каково это, солнце в нормальном понимании? Как солнце должно выглядеть конкретно? Почему этот вид "ненормален"? Может, он не такой уж и не плохой?.. Есть в этом кольце огня что-то прекрасное, хоть и не по-вкусу.

Парочки людей, гарпий, а где-то и кротолюдей, всё же выглядывали из своих окон на улицы, стеснялись у стен, но всё равно их было ничтожно мало. Многие уже ушли, убежали отсюда как можно быстрее и как можно дальше, несмотря ни на какие соблазны. И то, тех, которых можно было распознать и увидеть, выглядели напугано и взволнованно. У проснувшегося закралась мысль о том, дабы спросить кого-нибудь об этом... интересном, явлении, а также о месте, где он. Посмотрев, однако, на них внимательнее, всякое подобное желание превращается в уже утвердившееся ожидание отказа. Видимо было, по их глазам, что не только он не понимал, что вообще происходит с небом и воздухом вокруг.

- Погодите, почему я так подумал? -

Соответствующий вопрос последовал из его же, тихих уст. Изо рта воняло алкоголем, а голос казался потухшим и жутко усталым.

- Так и должно быть, наверно, но почему я чувствую себя так странно? Я должен себя так чувствовать? -

Его голова была пуста. Он знает, что есть что, но он не знает, почему и зачем он так знает - почему что-то может являться нормой и как это объясняется. Это казалось чем-то

естественным, факт знаний, как и то, что он не знал точно, где он, как и то, что он, как выглядит. Оглядевшись по сторонам, фигура в бордовой мантии замечает, что к нему кто-то подходит. И, нет, даже не один человек – а целая группа людей. Огромные скалы, что носили шкуры полосатых, бурых зверей, размерами с медведями. Однако, это не были дикари – они выглядели очень даже грациозно и по-воински красиво. Они внушали своим присутствием незнакомый инстинкт, знание.

Каждый из них носил с собой мачете, с уже изрядно затупленным и окровавленным лезвием, а также с преимущественно толстой, кожаной бронёй под или поверх своей одежды. Самый большой бугай из них, с серыми волосками в бороде, подойдя ближе и даже приседая на корточки, спросил:

- Ты живой, не безумный? Ты живой? - Седая голова с чёрно-седой бородой выглядело мудро и спокойно. Его глаза были усталыми и понимающими, с лёгким чувством сочувствия и грусти. Слабости, однако, здесь не было – он мог победить любого, кто попытается встать на его пути. Это старый медведь, что хочет спать, однако не позволяет себе этого сладкого сна ради своих, непонятных целей. - ...Ты помнишь резню здесь? -

- Я... Живой. Я разумный и безумным не являюсь. Я сознаю, кто я, и я сознаю, где нахожусь, а посему – я жив, но... резня? Я не знаю никакой резни, я был на празднике, на празднике... -

Отвечал лежащий человек, не понимая, для чего, но зная, что так надо отвечать, всегда и везде. Голос было точно также собранным и спокойным, на удивление самого пострадавшего.

Он мог чувствовать, как лёгкие сами качали воздух, сами выдавливали из себя слова перед тем, как захочет этого голова. Глаз сам подмечал детали и черты стоящих перед ним. Его живот подсказывал, сжимаясь и сигнализируя, что возможно, грядёт что-то ужасное или страшное. Всё его тело, не обладая разумом и логикой, говорило с ним и предсказывало то, что предсказуемым быть не может. Они ступают за край обрыва и спокойно продолжают путь, ещё до того, как увидели землю под своими стопами. Что-то инородное это было, для подобного мира.

Посмотрев на его лицо ещё некоторое время, что-то обдумывая, к следователю обратился другой парень, поменьше. Он тоже был одним из "собратьев" группы, только вот самый младший и не повреждённый.

- Вождь, вы это, бросьте, не надумайте нам лихо. Он нас понял, он не труп, если схватаем – самих схватают, люди лунные. Так что, это, давайте поищем ещё? Это наша улица, в конце концов, никто другой здесь не бродит, кроме тех шутов. Да и тот псих уже давно исчез! -

Почему-то, при одном только упоминании шутов, по голове словно ударила молния красок и звуков, на секунду возвращая его на часы ранее. Его поили, с ним танцевали и развлекались, он нёс ахинею и всем нравилось. А теми, кто был поодаль его, кто развлекал и с ним веселился, кто был лицом этих красок и звуков...

- Хм, так пусть. Коль он жив-здоров, бодряк, нам трогать его не за чем. -

Согласился старый великан, вставая на ноги и собираясь уходить. Своей могучей спиной, он заграждал здания, с перспективы маленького человечка в багровом одеянии. Это была картина о слоне и мыши.

- С-стойте! – Остановил их человек. – Вы упомянули «шуты», вы знаете, где они? Я должен с ними встретиться! Вы можете мне указать до них дорогу, или... Что за резня здесь произошла?

-

Это были слова не то чтобы мозга, а всего тела. Теперь не разум контролировал это тело, а внутренние желания веселья, красок и жизни – они тоже получили своё. Всё тело теперь стало частью сознания, а сознание стало частью тела, хоть эти части тела и не обладали своей волей... Или обладала? Он мог чувствовать, как вся его плоть желала повторить эту палитру красок и звуков, и при этом его мысли и желания были единственным в его теле не физическим, но почему?

Целый хребет гор из плоти и кожи остановился, повернувшись наполовину и устраивая свои взгляды на мелкого пешехода. Все, кроме вождя, он был погружён в свои собственные мысли.

<http://tl.rulate.ru/book/85628/2738560>